

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

Метафизика половой любви

ПАЛМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 11
ББК 87.1
Ш79

Перевел с немецкого Ю. И. Айхенвальд

Шопенгауэр А.

Ш79 Метафизика половой любви / Артур Шопенгауэр ; [пер. с нем. Ю. Айхенвальда]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 221 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-10859-3

Настоящий сборник составляют отдельные главы второго тома философского труда «Мир как воля и представление» (1844) — magnum opus выдающегося немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860). В них подробно раскрываются различные аспекты центрального понятия его философской системы — мировой воли. Публикуемые главы знакомят читателя с идеями этики Шопенгауэра, его теорией сексуальности как проявления воли к жизни, его размышлениями о смерти и смертности человека.

УДК 11
ББК 87.1

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии»,
ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

ISBN 978-5-517-10859-3

О НИЧТОЖЕСТВЕ И ГОРЕСТЯХ ЖИЗНИ

От ночи бессознательности пробудившись к жизни, воля видит себя индивидуумом в каком-то бесконечном и безграничном мире, среди бесчисленных индивидуумов, которые все к чему-то стремятся, страдают, блуждают; и как бы испуганная тяжелым сновидением, спешит она назад к прежней бессознательности. Но пока она не вернется к ней, ее желания беспредельны, ее притязания неисчерпаемы, и каждое удовлетворенное желание рождает новое. Нет в мире такого удовлетворения, которое могло бы утишить ее порывы, положить конец ее вожделениям и заполнить бездонную пропасть ее сердца. И при этом обратите внимание на то, в чем обыкновенно состоит для человека всякое удовлетворение: по большей части это не что иное, как скудное поддержание самой жизни его, которую необходимо с неустанным трудом и вечной заботой каждый день отвоевывать в борьбе с нуждою, а в перспективе виднеется смерть. Все в жизни говорит нам, что человеку суждено познать в земном счастье нечто обманчивое, простую иллюзию. Для этого глубоко в сущности вещей лежат задатки. И оттого жизнь большинства людей печальна и кратковременна. Сравнительно счастливые люди по большей части счастливы только на вид, или же они, подобно людям долговечным, представляют редкое исключение, для которого природа должна была оставить возможность как некую приманку. Жизнь рисуется нам как непрерывный об-

ман, и в малом, и в великом. Если она дает обещания, она их не сдерживает или сдерживает только для того, чтобы показать, как мало желательно было желанное. Так обманывает нас то надежда, то ее исполнение. Если жизнь что-нибудь дает, то лишь для того, чтобы отнять. Очарование дали показывает нам райские красоты, но они исчезают, подобно оптической иллюзии, когда мы поддаемся их соблазну. Счастье, таким образом, всегда лежит в будущем или же в прошлом, а настоящее подобно маленькому темному облаку, которое ветер гонит над озаренной солнцем равниной: перед ним и за ним все светло, только оно само постоянно отбрасывает от себя тень. Настоящее поэтому никогда не удовлетворяет нас, а будущее ненадежно, прошедшее невозвратно. Жизнь с ее ежечасными, ежедневными, еженедельными и ежегодными, маленькими и большими невзгодами, с ее обманутыми надеждами, с ее неудачами и разочарованиями — эта жизнь носит на себе такой явный отпечаток неминуемого страдания, что трудно понять, как можно этого не видеть, как можно поверить, будто жизнь существует для того, чтобы с благодарностью наслаждаться ею, как можно поверить, будто человек существует для того, чтобы быть счастливым. Нет, это беспрестанное очарование и разочарование, как и весь характер жизни вообще, по-видимому, скорее рассчитаны и предназначены только на то, чтобы пробудить в нас убеждение, что нет ничего на свете, достойного наших стремлений, борьбы и желаний, что все блага ничтожны, что мир оказывается полным банкротом и жизнь — такое предприятие, которое не окупает своих издержек; и это должно отвлечь нашу волю от жизни.

Это ничтожество всех объектов нашей воли явно раскрывается перед интеллектом, имеющим свои корни в индивидууме, прежде всего — во *времени*. Оно — та форма, в которой ничтожество вещей от-

крывается перед нами как их бренность: ведь это оно, время, под нашими руками превращает в ничто все наши наслаждения и радости, и мы потом с удивлением спрашиваем себя, куда они девались. Самое ничтожество это является, следовательно, единственным объективным элементом времени, другими словами, только оно, это ничтожество, и есть то, что соответствует ему, времени, во внутренней сущности вещей, то, чего оно, время, является выражением. Вот почему время и служит априори необходимой формой всех наших восприятий: в нем должно являться все, даже и мы сами. И оттого наша жизнь прежде всего подобна платежу, который весь подсчитан из медных копеек и который надо все-таки погасить: эти копейки — дни, это погашение — смерть. Ибо в конце концов время — это оценка, которую делает природа всем своим существам: оно обращает их в ничто.

Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живет.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!¹

Так старость и смерть, к которым неуклонно поспешает всякая жизнь, являются осуждающим приговором над волей к жизни: выносит этот приговор сама природа, и гласит он, что эта воля — стремление, которому во веки веков не суждено осуществиться. «Чего ты хотел, — гласит он, — имеет такой конец: восхоти же чего-нибудь лучшего». Таким образом, урок, который всякий выносит из своей жизни, заключается в том, что предметы наших желаний всегда обманывают нас, колеблются и гибнут, приносят больше горя, чем радости, пока наконец не рухнет та почва, на которой все они зиждутся, и не погибнет самая жизнь, в последний раз подтверждая,

¹ «Фауст» Гете [перевод Н. Холодковского].

что все наши стремления и желания были обманом, были ошибкой:

И старость, и опыт ведут заодно
К последнему часу, когда суждено
Понять после долгих забот и мученья,
Что в жизни брели мы путем заблужденья.

Рассмотрим, однако, этот вопрос обстоятельнее, потому что именно эти мои взгляды больше всего встретили себе возражений. И прежде всего я представляю следующие подтверждения данному мною в тексте доказательству того, что всякое удовлетворение, т. е. всякое удовольствие и всякое счастье, имеет отрицательный характер, между тем как страдание по своей природе положительно.

Мы чувствуем боль, но не чувствуем безболезненности; мы чувствуем заботу, а не беззаботность, страх, а не безопасность. Мы чувствуем желание так же, как чувствуем голод и жажду; но как только это желание удовлетворено, с ним происходит то же, что со съеденным куском, который перестает существовать для нашего чувства в то самое мгновение, когда мы его проглотим. Болезненно жаждем мы наслаждений и радостей, когда их нет; отсутствие же страданий, хотя бы и они прекратились после того, как долго мучили нас, непосредственно нами не ощущается, мы можем думать об их отсутствии разве только намеренно, посредством рефлексии. Все это — потому, что только страдания и лишения могут ощущаться нами положительно и оттого сами возвещают о себе; наоборот, благополучие имеет чисто отрицательный характер. Вот почему три высших блага жизни — здоровье, молодость и свобода — не сознаются нами как таковые, покуда мы их имеем: мы начинаем сознавать их лишь тогда, когда теряем их; ведь и они — отрицания. Что дни нашей жизни были счастливы, мы замечаем лишь тогда, когда они уступают свое место дням несчаст-

ным. В той мере, в какой возрастают наслаждения, уменьшается восприимчивость к ним: привычное уже не доставляет нам наслаждения. Но именно потому возрастает восприимчивость к страданию, так как утрата привычного заставляет нас очень страдать. Таким образом, обладание расширяет меру необходимого, а с нею и способность чувствовать страдание. Часы протекают тем быстрее, чем они приятнее, и тем медленнее, чем они мучительнее, ибо страдание, а не наслаждение — вот то положительное, наличие чего нами ощущается. Точно так же, скучая, мы замечаем время, а развлекаясь — нет. Это доказывает, что наше существование счастливее всего тогда, когда мы его меньше всего замечаем: отсюда следует, что лучше было бы совсем не существовать. Великие, живые радости можно представить себе лишь как результат предшествовавших великих скорбей, потому что состояние продолжительного довольства может сопровождаться только некоторыми развлечениями или удовлетворением суетности. Оттого все поэты вынуждены ставить своих героев в самые тягостные и мучительные положения, для того чтобы потом снова освобождать их оттуда: драма и эпос всегда изображают нам одних только борющихся, страдающих и угнетаемых людей, и всякий роман — это панорама, в которой видны содрогания и судороги страдающего человеческого сердца. Эту эстетическую необходимость наивно выразил Вальтер Скотт в «Заключении» к своей новелле «Давняя мораль». В точном соответствии с указанной мной истиной говорит и Вольтер, столь одаренный природой и счастьем: «Счастье — только греза, а скорбь реальна», и к этому он прибавляет: «Вот уже восемьдесят лет, как я испытываю это на себе. Я вынес из них только сознание о необходимости покорного смирения, и я говорю себе, что мухи рождаются для того, чтобы их съедали пауки, а люди — для того, чтобы их глодали скорби».

Прежде чем так уверенно говорить, что жизнь — благо, достойное желаний и нашей признательности, сравните-ка беспристрастно сумму всех мыслимых радостей, какие только человек может испытать в своей жизни, с суммой всех мыслимых страданий, какие он в своей жизни может встретить. Я думаю, что подвести баланс будет не трудно. Но, в сущности, совсем излишне спорить, чего на свете больше — благ или зол, ибо уже самый факт существования зла решает вопрос: ведь зло никогда не погашается, никогда не уравнивается тем добром, которое существует наряду с ним или после него: «Тысячи наслаждений не стоят одной муки» (Петрарка). Ибо то обстоятельство, что тысячи людей утопали в счастье и наслаждении, не устраняет страданий и мук одного человека; и точно так же мое настоящее благополучие не уничтожает моих прежних страданий. Если бы поэтому зла в мире было и во сто раз меньше, чем его существует ныне, то и в таком случае самого факта его существования было бы уже достаточно для обоснования той истины, которую можно выражать на разные лады, но которая никогда не найдет себе вполне непосредственного выражения, — той истины, что бытие мира должно не радовать нас, а скорее печалить; что его небытие было бы предпочтительнее его бытия; что он представляет собою нечто такое, чему бы, в сущности, не следовало быть, и т. д. Необычайно красиво выражает эту мысль Байрон:

«Есть что-то неестественное в характере нашей жизни: в гармонии вещей не может лежать она — этот суровый рок, эта неискоренимая зараза греха, этот безграничный Предел, это всеотравляющее древо, корни которого — земля, листья и ветви которого — тучи, как росу, струящие на людей свои скорби: болезни, смерть, рабство — все то горе, которое мы видим, и, что хуже, все то горе, которого мы не видим и которое все новою и новою печалью волнует неисцелимую душу».